

Наш
календарь

Выдающийся русский актер

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. САМОЙЛОВА

Во второй четверти XIX века на Александринской сцене (Петербург) заняла видное место артистическая семья Самойловых. Их было семь человек: отец, два сына и четыре дочери. Среди них особенно выделился старший сын Василий Васильевич, 150 лет со дня рождения которого исполняется сегодня.

Впервые Василий Васильевич выступил на сцене 5 октября 1834 года. Он исполнял партию Иосифа в опере Мегюля «Иосиф Прекрасный». С января следующего года он начинает уже регулярно участвовать в операх и водевилях.

Никто, как Самойлов, не умел на протяжении одного водевиля появиться то греком, то армянином, то чухонцем, каждый раз производя и своим акцентом и всем своим внешним обликом полную иллюзию.

Барственые манеры и величественная осанка позволили Самойлову очень хорошо сыграть Кречинского, вызвав исполнением этой роли одобрение самого автора.

Особенно блеснул Самойлов своим талантом в 1839 году, когда он из-за болезни Дюра сыграл роль Губкина в «Студенте-артисте». Здесь он с неподражаемым мастерством воспроизвел манеру петь двух известных оперных артистов того времени.

Позже, в комедии Куликова «Нашествие ино-племенных», он играл старую княгиню так, что никто не подозревал, что на сцене переодетый мужчина.

Впоследствии В. В. Самойлов с большим успехом играл роли Бехтерева («Завтрак у предводи-

теля»), графа Любина («Провинциалка»), Любими Торцова («Бедность не порок»), Кречинского («Свадьба Кречинского»), Растворского («Ревизор»), Ивана Грозного («Василиса Мелентьевна») и «Смерть Иоанна Грозного») и многие другие.

В своем творческом процессе Василий Васильевич шел от внешности изображаемого образа к внутреннему содержанию. По словам П. М. Свободина, он уже на первую репетицию являлся во всеоружии. Дома у него был набросан красками, а часто и закончено нарисован тип изображаемого им лица. Он уже знал всесторонне, с кем имеет дело, сразу же высказывал режиссеру, как его изображать, как, по его соображению, должны вестись сцены, кто как одет, где кто стоит и т. д., до подробностей. При этом не лично одним собою был занят артист. Он одинаково заботился о каждом действующем лице в пьесе, и не один из современных ему артистов обязан был ему, как художественному руководителю, не один пользовался его меткими замечаниями и советами.

Иллюзия, производимая артистом, заключалась отнюдь не в раскраске лица и не в парике. Грим его был прост до крайности, наклеек делал очень мало. Он старался движениями, походкой, взглядом, интонацией, даже голосом, буквально менявшимся в каждой роли, произвести впечатление на зрителя.

По этому поводу знаменитый артист второй половины XIX века А. П. Ленский писал:

«...Не знаю, чем бы кончилось мое блуждание по лабиринту гримировального искусства, если бы судьба не сжалилась надо мной и не привела Самойлова на гастроли в Одессу, где я тогда служил».

Далее Ленский рассказывает: в одном из спектаклей Самойлов играл Растворского в «Ревизоре». В гримировочной я стоял за его столом и следил за тем, что он делает со своим лицом. А

он, держа в руке свое излюбленное оружие — кусочек жженой пробки — энергично делал ею тычки себе в разные части лица.

— Неужели, — говорю, — Василий Васильевич, вы не находите нужным положить на лицо серовато — желтого оттенка дряхлости, что дает коже тот омертвленный вид, какой и должен быть у этой развалины?

— Как видите, — буркнул себе под нос Самойлов, растирая пальцем поставленное пробкой пятно. — Пудра, пробка и больше ничего.

— Отчего же вы, Василий Васильевич, не проведете резких черт от углов рта книзу и не оттените нижней губы, что придало бы вид бессильно опустившейся нижней челюсти?

— Вы и это хотите делать краской? — отвечал Самойлов. — Тогда что же делать актеру, за что ему деньги платят? Я, в таком случае, советую вам наделать масок да и играть в них. От ваших притираний лицо становится почти такой маской.

Самойлов закончил гримироваться и пошел на сцену. Мне его грим не понравился.

Ожидая своего выхода, Самойлов был весел, оживлен, рассказывал анекдот за анекдотом и смешил всех до упаду. Пришла очередь выхода Растворского. Помощник режиссера сказал: «Пожалуйте, Василий Васильевич».

Невольно я на мгновение перевел глаза с Самойлова на говорившего и за это время с Самойловым произошла перемена, поразившая всех присутствующих. Перед нами стоял дряхлый — дряхлый старик с провалившимся ртом и бесцельно опустившейся челюстью, грудь ввалилась, старческий животик сильно выпятился вперед, глаза потухли, словно подернулись налетом. Эта развалина, шаркая ногами в огромных ботфортах, прикрывая рукой в аляповатой перчатке свои глаза, прошел мимо меня в отворенные двери на сцену. Эффект был изумительный.

Ему и его советам я всецело обязан моими успехами в гримировке, — говорит А. П. Ленский.

Это был действительно выдающийся русский актер, у которого следует поучиться многим нашим современным работникам сцены.

Г. ФОМЕНКО,
артист драмтеатра.